

Русское дореволюционное крестьянство умело и любило читать. Усваивали церковнославянскую грамоту по Псалтири и Часослову, а развлекались чтением лубков

текст **Александра Плетнева**
кандидат филологических наук,
Институт русского языка РАН

маргиналии **Тимофей Яржомбек**

Язык крестьянской грамотности

Когда речь заходит о том, как в XIX веке учили детей, наша память сразу предлагает картинку дворянского быта с гувернером французом, немцем или англичанином, отцовской библиотекой и домашним музицированием. Такой образ детства зафиксирован в огромном количестве мемуаров и воспринимается как единственно возможный. Эта картинка имеет отношение к детским годам нескольких процентов от общего числа жителей России. А подавляющее большинство — крестьяне и мещане, которых, согласно переписи 1897 года, было 87%, училось совсем иначе.

До недавнего времени мы представляли себе русское дореволюционное крестьянство как практически неграмотное. Однако анализ этнографических данных, мемуарных и литературных свидетельств заставляет несколько пересмотреть это представление. Дело в том, что вплоть до начала XX века в деревнях сохранялся восходящий к Средневековью способ обучения грамоте, когда детей учили не по привычным нам русским букварям, а по Псалтири и Часослову.

То есть крестьяне усваивали церковнославянскую грамоту, а русской учились намного реже. Люди, которых учили читать таким образом, могли читать Псалтирь по покойнику или петь на клиросе, но испытывали определенные сложности при чтении книг, написанных на русском литературном языке.

Как же выглядело обучение грамоте? Читать учили по складам, то есть сначала буквы назывались по именам, потом читался целый слог, а потом все слово. Слово «блаженъ» в процессе обучения читалось так: «буки-люди-аз» — «бла», «живете-есть-наш-ер» — «жен» — «блажен».

Постеры для крестьянских изб

Основным развлекательным чтением людей, учившихся читать по церковным книгам, были лубки. Лубки — это гравированные листы, которые вешались на стенку (вариант современных постеров), или же гравированные книги. Лубки распространялись гигантскими тиражами, о которых русские классики и мечтать не могли. Если, например, тираж пушкинского «Современника» никогда не превышал 600 экземпляров, то

тиражи разносимых по всей стране лубочных изданий измерялись многими тысячами. Собирать и исследовать лубки начали уже довольно давно, но изучали их исключительно как произведения изобразительного искусства, считая, что помещенные под картинками тексты являются скорее элементами декора, чем особым видом словесности. И получилось так, что лубок выпал из истории русского языка и литературы.

При знакомстве с лубками бросаются в глаза языковые отличия лубочных текстов от созданных в то же время произведений русской классической литературы. Язык лубка, с одной стороны, сильно славянизирован, а с другой, — в нем встречаются просторечные выражения, невозможные в литературных текстах. Современному человеку трудно себе представить читателя, для которого подобное сочетание «славянщины» с говором ярмарочной площади понятно и органично. Однако не следует забывать, что тот литературный язык, к которому мы привыкли, окончательно сформировался лишь на рубеже XVIII и XIX веков. Еще в начале XIX века трудности при чтении на «новом»

«Словоерс»

С чтением по складам связано появление слова «словоерс» (так называли частицу «съ», которая прибавлялась к словам как знак некоторого заискивания перед собеседником — «хорошо-съ», «понимаю-съ», «сделаем-съ»). Слово «словоерс» представляет собой произношение по складам этой самой частицы «съ» — «слово-ер-с» — «словоерс».

Из воспоминаний крестьянина И.С. Карпова (кон. XIX в.)

«Все были неграмотные, а мама какими-то судьбами научилась славянским буквам и умела складывать слова и стала меня учить алфавиту: аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, зело, земля, иже, и, како, люди, мыслете, наш, он, покой, рцы, слово, твердо, ук, ферт, хер, кси, пси, ер, еры, юс, фита, ижица. Это мне, малышу, было под силу. А вот складывать слова долго не мог научиться, но наконец одолел и эту премудрость. Например, как сложить слова: Иван, Степан, Семен. Иже-веди-аз-наш-ер — Иван. Слово-твердо-есть-покой-аз-наш-ер — Степан. Слово-есть-мыслете-есть-наш-ер — Семен. Приходилось складывать слова и читать очень медленно. Сначала учили из Псалтири «Блажен муж»: буки-люди-аз-живете-есть-наш-ер — блажен, мыслете-ук-живете-ер — муж. Мама часто при свете лучины садилась с Псалтирью и пальцем водила по буквам».

Из воспоминаний актера М.С. Щепкина (1788–1863 гг.)

«Едва мне исполнилось шесть лет, как я уже всю премудрость выучил, то есть Азбуку, Часослов и Псалтирь; этим обыкновенно тогда и оканчивалось все учение, из которого мы, разумеется, не понимали ни слова, а приобретали только способность бегло читать церковные книги. Помню, что при перемене книги, то есть когда я окончил Азбуку и принес в школу первый раз Часослов, то тут же принес горшок молочной каши, обернутый в бумажный платок, и полтину денег, которая как дань, следуемая за ученье, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол и после повторения».

Как учили читать А.М. Горького

«— Видишь фигуру? Это — аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это — что?
— Буки.
— Попал! Это?
— Веди.
— Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, — это что?
— Добро.
— Попал! Это?
— Глаголь.
— Верно! А это?
— Аз. <... >
Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и в ряд и вразбивку; <... >
Вскоре я уже читал по складам Псалтирь; обыкновенно этим занимались после вечернего чая, и каждый раз я должен был прочитать псалом.
— Буки-люди-аз-ла-бла; живете-иже-же блаже; наш-ер-блажен, — выговаривал я, вода указкой по странице, <... > он знал его (Псалтирь) почти весь на память, прочитывая, по обету, каждый вечер, перед сном, кафизму вслух и так, как дьячки в церкви читают Часослов».

Письмо брату, написанное крестьянским мальчиком И.К. Малеиным (кон. XIX в.)

«Единойды ходящу ми по Богоспасаемому граду Тфери и перешедши реку, именуемую Волгу, егда уклонихся на шуюю страну, узрех аз пса лежаща, вельми черна и зело страшна, очи имуще смежени, ноги же протяжени, длина его яко два лактя, высота же один лакоть, и начах по обычаю со скоростию велиую уклонятися на десную страну, и се сретоста мя два мужа и рекоста ми: «Не бойся, господине, лежашь пес умре»; и, возмихъ дерзновение, приблизився ко псу и егда увидехъ его умерша, возблагодарихъ Господа и с миром поидохъ далее».